

Олег КЛИШИН
СИНОНИМ ПЕСКА

Стихотворения

* * *

Жил на свете рыцарь бедный...
А. П.

Запрягай, гони в столицу!
От волненья сам не свой.
Мать и мачеха, царица
помирает. Боже мой!
Ошарашенная площадь,
череп в лапах палача.
Коронованные мощи.
Всепрощения свеча.

Чист душой, в поступках честен.
Или, проще говоря,
узник совести и чести,
император без царя
в голове – мишень для шуток
за спиною: вот урод! –
несуразный промежуток
от шиньона до ботфорт.

Оглянись, не будь растяпой.
Кто не спрятался – беда.
Зазевался – вот так шляпа!
Ну-ка, сударь, подь сюда.
Ежедневная облава.
Миг и улица пуста.
Вместо дел великих – слава
сумасброда и шута.

Что ни выход, то коленце
новенькое, свежий вздор –
с неразумного младенца
сорван головной убор.
Как холопы, все едины.
Вздумал гатчинский герой
гвардию Екатерины
пропустить сквозь прусский строй.

Враг и родственник в кумирах.
Злая знать навеселе.
В новом замке хмуро, сыро.
Табакерка на столе.
Павел первый и... последний.
Впредь уже – ни одного.
Нелюбимый, значит – бедный.
И за что же так его?

* * *

С лорнетом дама, а мальчик в «гетрах»,
как добрый молодец в стиле ретро.

В косоворотке, с копной льняною.
Куда ты, милый, Господь с тобою!

Богема, братец, калечит души.
Свои здесь черти, шуты, кликуши.

Им от избытка нечистой силы
в кайф поразвлечься тобой – красивым.

Как расписную подсунут торбу
под взгляд стеклянный очковой кобры.

Шипенье злое коснётся слуха.
Москва отравит кабацким духом,

затмит рязанских полей просторы
босыми плясками Айседоры.

Со страстью бешеной нету сладу.
Кровавый росчерк губной помадой,

как приглашение в зазеркалье
больного русской тоской-печалью.

Берёза шепчет, дрожит осина.
Певцу хмельному теперь едино –

Пегаса стойло, кабак, Голгофа.
В обнимку с Толей Мариенгофом

в ночную вывалиться прохладу
для продолжения маскараду.

Столичной выпечки штучный крендель
и чудо-юдо – крестьянский денди.

Поспешно долг отдавая Музе,
на горле Гордиев чуял узел.

Не отворачиваясь, упорно
смотрел в лицо человеку в чёрном.

Гнал сам себя – скандалист, повеса –
к развязке одноимённой пьесы,

где вместо занавеса – портьера
в роскошном номере Англетера.

* * *

Телега жизни, она же смерти.
Всё время думать – свихнёшь мозги.
В метельной стонущей круговерти,
хоть глаз коли, не видать ни зги.

Солома, сено, дрова ли, гроб ли –
Лошадке всё равно что везти.
Чуть свет: по-новой – хомут, оглобли.
Жива по ходу, пока в пути.

То белым роем, то злобной свитой
кровососущих окружена.
Однажды, груз дотянув, копыта
откинет молча. Ничья вина.

И ни к кому никаких претензий,
упрёков, зависти и обид
на то, что вся без следа исчезнет,
на то, что время не сохранит

ни конских слёз, ни дорожных жалоб
на ледяной живота озноб.
Вот ей бы памятник не мешало б
поставить – вместе с телегой чтоб.

Стена

Крепостных пригоняли со всех волостей,
умножая людей на число трудодней.

Рос дракон, набивая костями живот.
С той поры здесь на склонах пологих растёт,

то и дело впадающий в мелкую дрожь,
пустотелый бамбук, заменяющий рожь.

Вместо белого облака ночи черней
подвесной потолок из сплетённых корней.

Сотни лет под камнями Великой стены
превращались в легенды раскосые сны,

постепенно годами из горных пород
вымывались теченьем невидимых вод,

выходя из забитых землёю глазниц,
чтобы жить на правах пролетающих птиц.

Не жалея себя, Поднебесной сыны
до конца императору были верны.

По велению великого Шихуанди
с замураванным выдохом в полой груди

уходили с земли, чтоб остаться в веках
терракотовым войском, уснувшим в песках.

* * *

Кто здесь крайний, кто последний?
Наверху оно видней.
Может в зимний, может в летний –
всё равно в один из дней

всем проследовать придётся
по известному пути.
Что же после остаётся
кроме позднего «прости»?

Бормотанье: был ли, не был?
Всё проходит, все пройдем.
Только голубое небо
с белым облаком на нём

остаётся, только лето
с чистой дождевой слезой,
с одуванчиковым цветом,
с тёмно-синей стрекозой,

зависающей у края
бездны ярко-голубой, –
там, где очередь живая
следующих за тобой.

* * *

Трагична жизнь – она кончается,
не оставляя и следа.
Фонарь, как маятник, качается.
Горит далёкая звезда.

Лишь то, что выхвачено голосом
в несвязном шорохе ночном,
шатающимся светлым конусом
между забором и окном,

проявится в кромешной темени
на миг, как танец мотылька,
чья жизнь не ведаёт о времени,
чья смерть мгновенна и легка.

* * *

Всего лишь молекул ничтожных собрание,
частиц невесомых летучая взвесь.
Из них грандиозные те изваянья
громзд белоснежных, клубящихся... Здесь

вчера и сегодня, и завтра, и присно –
так было, так будет. Из тёмных глубин
как зритель случайный сюда ты был призван
увидеть, как мрамор античных руин

сменяют отар кучевые кочевья,
в сиянье небесном плывут острова,
где райские не увядают деревья
и музыка сфер различима едва.

* * *

Те деревья, что были большими,
то барачного типа жильё
с потрохами, как есть, насыпными,
с громыхающими жестяными
рукомойниками. Ё-моё!

Неужели так было когда-то -
то гнездо, где опилки и шлак
вперемешку под слоем минваты,
то, в котором родные пенаты,
как птенцы желторотые? Так!

Только так и могло – не иначе.
Иногда в чёрно-белом кино
что-то схожее вдруг замаячит –
сквозняком в полумраке чердачном
слуховое как будто окно

приоткроется. Шёпот ли, шорох,
то ли райское пение птиц
где-то там за ближайшим забором?
То ли здесь в тесноте коридоров
именной звукоряд половиц?

Всё оттуда – из детства вестимо -
это звук, этот призрачный свет,
войско верное из пластилина,
трёхколёсная чудо-машина
под названием велосипед.

Мыльной кисточкой взбитая пена
оседает. Очнись, борода!
Много лет, как покинул те стены
очарованный житель вселенной,
расширяющейся в никуда.

* * *

Лунный серп, чуть левее звезда...
Отшлифованный зрением свет
принимает речная вода,
тяжелея с течением лет.

Словно золота и серебра
равномерно блистающий сплав
заливает прохладой рукав
тихой заводи. Всё, что вчера

волновало, сегодня не в счёт.
Только время – синоним песка

и воды – превращаясь в века,
звёздным светом сквозь пальцы течёт.

* * *

Ночь из лёгких лета крадёт тепло,
как щипач-тихушник – по малым крохам.
Впереди заведомое число,
обозначенное последним вдохом,

за которым выдох... Всё, как всегда –
по траве покорной проходит ветер,
кем-то выпущенная из рук звезда
снова вспыхивает. На этом свете

всё, как прежде – звёзды, трава, листва.
Ничего как будто не изменилось.
Лишь когда-то сказанные слова...
Да и кто их вспомнит, скажи на милость?

